

Анна Немеровская

Мои бабушки

У меня, как у всех, было две бабушки.

Бабушку Двойру я помню. Она была маленькая, худенькая, с искривленными артритом пальцами.

Благодаря ей у меня где-то в глубинах памяти остался идиш. (Понимаю гораздо больше, чем могу сказать).

Мне было 6 лет, когда ее не стало.

А бабушка Ханна ушла в мир иной лет за 30 до моего рождения...

Я написала о них все, что сохранили семейные предания.

Бабушка Двойра (Три путешествия одной фотографии)

Бабушка Двойра с детьми: слева Шендл (моя мама),
в середине - Мойша, справа - Ента

*Хочу воскресить своих предков,
хоть что-нибудь в сердце сберечь.
Они словно птицы на ветках,
и мне непонятна их речь.*

*Живут в небесах мои бабки
и ангелов кормят с руки.
На райское пение падки,
на доброе слово легки.*

*Не слышно им плача и грома,
и это уже на века.
И нет у них отчего дома,
а только одни облака...*

Булат Окуджава

Фотография, которая стоит на моей тумбочке в спальне, три раза пересекла Атлантический океан. На ней моя бабушка Двойра (в девичестве Соколовская) и трое ее детей: старшая дочка Шендл – моя мама, средняя дочка Ента и младшенький Мойшеле. Эту фотографию взял с собой мой дедушка Срул (Израель), когда уезжал в Америку. Но расскажу все по порядку.

Бабушка Двойра родилась в бедной еврейской семье в маленьком местечке около Елисаветграда примерно в 1885 году. Она не была самой старшей в семье, но, рано повзрослев, помогала матери растить младших. Серьезная и ответственная по характеру, она с раннего детства приобщилась к портняжному мастерству. В основном, заказывали переделки, и доход был небольшой.

Двойра была ростом невысокая, фигуркой изящная, лицом симпатичная, характером добрая и покладистая. Всегда красиво одета, так как сама шила. Вещи на ней были дешевые, но аккуратно сшитые и фасоны оригинальные (насколько допускало общественное мнение в местечке). Конечно, бедность – это большой минус, но у Соколовских девочки в девицах не засиживались. Старшие уже выходили замуж с минимальным приданым, вот и до Двойры очередь дошла.

В каждом местечке имелся так называемый танцзал – "две шага налево, две шага направо, шаг вперед, одна назад..." Там молодежь собиралась и потанцевать, и поговорить, и послушать, и семечки полугзгать, одним словом, пообщаться, присмотреться.

Приходили туда и братья Кустины, высокие, красивые, усатые, веселые. Только средний, Срулик – молчаливый, слова не вытянешь. Были они из семьи краснодеревщиков. Дерево пело в их руках, мебель сверкала, а на резные дверцы буфетов и шкафов можно было любоваться, как на музейные экспонаты. Знали не только иврит и идиш, но также русскую грамоту. Одним словом, завидные женихи.

Была у Двойры хрустальная, вернее, бархатная мечта: во сне и наяву она представляла себя в черном облегающем бархате, слегка расширенном книзу, с вышивкой по вороту и на манжетах. Видела, как входит в нем в танцзал, производит полный фурор, но скромно садится, как обычно, в свой уголок. А из другого угла, тоже как обычно, поглядывает на нее молчаливый Срулик, но уже другими, восхищенными глазами... Нетрудно вообразить мечты молодой девушки...

Вот и в лавке у Соломона есть кусок черного бархата, который он отдает дешевле, так как кусок остался маленький, всего 1 м 30 см, а ей и этого хватит, если правильно раскроить. Копеечка к копейке – и вот собралась нужная сумма. Наконец-то ткань лежит на столе, выкройка готова, вот уже приметываются детали одна к другой...

Но до примерки дело не дошло.

Мать подошла к столу:

– Кто заказал тебе такое дорогое платье?

– Это я себе шью.

– Как это себе?! Кто тебе разрешил? Как ты могла подумать, что ты сможешь выйти в таком роскошном платье на улицу? Ты что, дочка графа Потоцкого?

Надо вам сказать, уважаемый читатель, что жил в те годы такой богатый человек, который икал, наверное, днем и ночью, поскольку его имя постоянно упоминалось в одном и том же контексте:

"Ты что, граф Потоцкий?", или: "Ты что, жена графа Потоцкого?", или: "Ты что, дочка графа Потоцкого?" и т.д.

Вот так моя прабабушка растоптала хрустальную (бархатную) мечту дочери категори-ческим запретом. Не будем сурово осуждать её. Это были страшные годы погромов, и незачем скромной еврейской девушке выпендриваться (как мы бы сейчас выразились) на улице, вызывая зависть знакомых и незнакомых своим непозволительно роскошным для неё платьем. Платье было велено дошить и продать в ближайшее воскресенье на ярмарке. В те годы с родителями не спорили. Пряча слезы, Двойра дошила платье и дала себе слово, что своей дочке она обязательно сошьет бархатное платье. Забегая вперед, скажу, что слово свое она сдержала.

Можете себе представить, в каком настроении она пришла в следующий раз на танцы и села, как обычно, в свой уголок. В том же платье, в котором приходила много раз, даже не украсив его новым кружевным воротничком – не было настроения. Глаза грустные и заплаканные. Такой печалью веяло от всей её хрупкой фигурки, что даже молчаливый Срулик пригласил её на танец ("две шага налево, две шага направо...") и спросил, не случилось ли чего.

Ну, а потом была хупа, потом родилась в 1907 г. моя мама Шендл, в 1909-м – моя тетя Ента и в 1911-м – младшенький Мойшеле.

Потом Кустины старшие с сыновьями засобирались в Америку. А Двойра ехать боится, вплоть до развода. Боится плыть через океан, и все тут. У нее был панический страх перед водой, она никогда не то что на лодке не каталась, но даже близко подходить к воде боялась. Этот страх никто всерьез не принимал, считали капризом. Кустины собрались ехать, и свекровь совсем не желала оставлять своего дорогого Срулика с этой глупой Двойрой. Конечно, она хорошая жена и мать и покладистая невестка, но если не хочет ехать, так это её дело. Надумает, так приедет позже... Много было в то время таких разбитых семей.

Итак, Кустины уехали, и Срул увозил в нагрудном кармане, близко к сердцу, фотографию жены и детей, ту самую, которая теперь стоит на моей тумбочке в спальне.

В Чикаго устроились неплохо, земляки помогли на первых порах жильем и советами, а потом дело пошло. Хорошие краснодеревщики в богатой стране всегда себе заработают на кусок хлеба и даже с маслом. Я думаю, что если хорошо поискать по мебельным антикварным магазинам Америки, то среди старинных буфетов с резными дверцами можно найти и сработанный моим дедом (внутри в уголке мастера оставляли свою подпись). Дедушка исправно посылал бабушке письма, деньги, посылки, фотографии. Звал приехать и, наконец, прислал оплаченные билеты с сопровождением.

Знаете ли вы, друзья, что такое билеты с сопровождением?

Обычная схема была такая: человек покупает билеты себе и своей семье до ближайшего города, едет с семьей в город. Там покупает билеты до Варшавы, едут в Варшаву, оттуда через всю Польшу до Германии, через Германию до Парижа, а там и до портового города Гавра совсем недалеко. Там покупает билеты на корабль, всей семьей ждут отправки и уплывают. Где они едят и спят, как общаются на разных европейских языках – это их забота.

А билеты с сопровождением означали следующее. За бабушкой с детьми должен приехать так называемый "украинский агент" – помочь упаковаться, погрузить её, детей и вещи на подводу, привезти в город, купить железнодорожные билеты, сесть со всем семейством в поезд, довезти до границы, там передать с рук на руки "польскому агенту", который оплачивает "украинскому агенту" все расходы. Затем польский сопровождающий должен везти их дальше, оплачивая ночлег и еду на еврейском кошерном постоялом дворе, обеспечивая документами, переводом с иностранных языков и решая все сопутствующие проблемы. Когда "польский агент" передавал путешественников "немецкому или австрийскому агенту", то получал от него всю сумму гонорара, включая расходы "украинского агента". И так далее до Франции, в котором было главное агентство, и оно уже брало на себя заботу о путешественниках до погрузки на корабль. Оно-то и нанимало агентов и расплачивалось с ними. Обычно все агенты были пожилые евреи с хорошей репутацией, достаточно грамотные, знающие два и более языков, деловые и ответственные. Излишне говорить, как дорого стоили такие билеты.

Пока шли уговоры и переписка, дедушка из кустаря-одиночки превратился в пролетария – рабочего мебельной фабрики. И, как любой эксплуатируемый в Америке, с обострённым чувством справедливости, он заразился разными модными идеями (призрак коммунизма бродил ведь не только по Европе), вступил в профсоюз и... (ой, вей!) в коммунистическую партию Америки.

Как пережила моя бабушка с тремя детьми все катаклизмы того времени – войну, революции, погромы, описать невозможно. Представить себе смог бы только тот, кто жил тогда в таком вот небольшом местечке. Она боялась сменить адрес, чтобы не прервалась почтовая связь с мужем. Никогда не роптала – все-таки ей ведь не так плохо, как другим: муж присылает из Америки деньги и посылки, она сама зарабатывает шитьем, вот и старшая дочка-помощница подрастает. Пора ей шить бархатное платье...

Из всей семьи Соколовских остались только она и младшая сестра Ханна. Последней в далекую, загадочную и суровую Америку уехала старшая сестра с семьей. Почему суровую? Да не всех же пускают. Один из сыновей старшей сестры был слабенький и горбатый. Все пишут, что проверяют только на заразные и глазные болезни, а насчет горбатых ничего не известно. А если не пропустят? Что делать? Столько переживаний из-за сына!

И вот Двойра и Ханна получают письмо от сестры с подробностями тяжелейшего путешествия и печальным сообщением, что их горбатый племянник умер на корабле, с разрывающим душу описанием, как его маленькое горбатое тело после еврейских молитв привязали к доске с грузом и совсем не по еврейским обычаям бросили за борт.

Теперь даже нет места, куда можно прийти и помолиться.

... в то время, когда корабль тихо шел в густом тумане, среди пассажиров пронесся слух, что этот больной человек умер. И действительно, на корабле все почувствовали смерть... Пассажиры притихли, доктор ходил серьезный и угрюмый, капитан с помощником совещались, и потом, через день, его похоронили в море. Завернули в белый саван, привязали к ногам тяжесть, какой-то человек, в длинном черном сюртуке и широком белом воротнике, как казалось Матвею, совсем непохожий на священника, прочитал молитвы, потом тело положили на доску, доску положили на борт, и через несколько секунд, среди захватывающей тишины, раздался плеск... Вместе с этим кто-то громко крикнул, молодая девушка рванулась к морю, и Матвей услышал ясно родное слово: "Отец, отец!" Между тем, корабль, тихо работавший винтами, уже отодвинулся от этого места, и самые волны

на том месте смешались с белым туманом. От человека не осталось и следа... Туман сомкнулся позади плотной стеной, и туман был впереди, а парходный ревун стонал и будто бы надрывался над печальной человеческой судьбой...
(Короленко, "Без языка")

По прибытии на Эллис-Айленд они прошли все медицинские осмотры, и после карантина их пустили в благословенную Америку. Они так и не знают, пускают ли сюда горбатых. Наверное, сынок из-за того и умер, что хотел облегчить им въезд в Америку. Но вам, дорогие сестрички, беспокоиться не стоит. Берегите себя и детей от трахомы. С надеждой на встречу...

Вот примерно такое письмо пришло из этой непонятной Америки.

Это был последний довод, которого так не хватало моей бабушке для оправдания своего страха. Она написала мужу, что не смерти она боится, т. к. все в руках Всевышнего, а того, что, если она умрет на корабле, её не похоронят надлежащим образом по еврейским законам в земле, а бросят рыбам на съедение. Поэтому она категорически отказывается ехать. Теперь решать ему. Если он захочет приехать обратно к жене и детям, они будут счастливы, если нет – так тому и быть.

Срул сел и как следует подумал. Шел 1923 год. Экономика в Америке на спаде, люди теряют работу. При отсутствии доходов уже не до новой, красивой мебели. До коммунизма ой как далеко. А там в Советской стране свободные люди строят самое справедливое общество на свете, где не будет бедных, где все равны, где нет и не может быть зависти, злобы и антисемитизма. Там он сможет работать на благо общества и своей семьи. Там ждет его любимая Двойра и дорогие детки, по которым он так соскучился.

Решено, он едет обратно. Мамы, которая цементировала семью, уже не было на свете, отца тоже, братья жили своими семьями. Сколько можно жить в разлуке? Так что прощайте, родные, прощайте, друзья, прощайте, могилы родителей, прощай, Америка... Срул уезжает строить социализм.

И вот два больших сундука набиваются вещами: жене и дочкам по дюжине платьев на все сезоны, к каждому платью соответственно туфельки, сумочка, шляпка и другие аксессуары, себе и сыну по дюжине костюмов и к каждому, естественно, рубашка, галстук, туфли, носки, шляпа. Несколько видов верхней одежды и различные ткани, из которых его дорогая жена-рукодельница сошьет, что захочет.

И самое главное, Срул вез в нагрудном кармане, близко к сердцу, фотографию жены и детей, ту самую, которая стоит теперь на моей тумбочке в спальне.

Наконец, опасный океан позади, вся Европа позади и весной 1924 года Срул Кустин приезжает в голодную, холодную советскую Украину. Не буду вам описывать радость этой встречи – дайте волю своему воображению.

А подарки?!.. Он, как фокусник, вытаскивал из сундуков вещи одна другой краше и необычнее. И все по американской моде. Ну как, скажите пожалуйста, сможет Мойшеле ходить в школу в этих светлых брюках в крупную клетку? А туфельки девочкам – такие изящные, на тонкой кожаной подметке – каково в них будет топтать по деревенской грязи? И даже самый главный подарок для Двойры – черное бархатное платье – вызвало не радость, а горькие слезы. Платье такое красивое, что даже у дочки графа Потоцкого такого не было, это уж точно. Но куда его можно надеть – на танцы она больше не ходит...

На улице новые порядки и старая грязь. Девочкам к лету не мешало бы выпилить деревянные сабо. Дед выпиливает толстую деревянную подошву, прибивает гвоздиками ремешки, вот и готова обувь, которую полвека спустя модницы назовут "босоножки на платформе".

В поисках работы семья переезжает в Елисаветград. (После 1924 года город был переименован в Зинovieвск, с 1934 – в Кирово, а с 1939 года город стал называться Кировоград.)

В Кировограде дед устраивается на мебельную фабрику. В марте 1925 года у Двойры и Срула родилась младшая дочка – моя тетя Роза.

Ента, Мойша, Шендл

Как вы уже знаете, дедушка всегда был очень молчаливый. Помните анекдот про одного еврея? Жена подала ему обед, а он говорит:

– Сарочка, попробуй суп..

Сарочка всполошилась:

– Что, суп невкусный или пересолен?

– Нет, дорогая, я тебя прошу, попробуй суп.

– Ну, скажи, в чем дело, это же твой любимый суп!

– Я тебе говорю, попробуй суп.

– Ну, хорошо, где ложка?

– О! Вот это я и хотел сказать.

Так мой дедушка даже не предлагал бабушке попробовать суп. Он сидел и молчал, а она места себе не находила:

– Что с тобой, почему ты не кушаешь? Может, что-то случилось на работе? Может, заболел? – Оказывается, ложку забыла дать.

После работы он выпиливал сабо или деревянные игрушки для продажи на базаре, но это почему-то не поощрялось государством и называлось спекуляцией. Какие странные порядки – не разрешать человеку честно зарабатывать своим трудом! Желая хоть что-то понять и быть в курсе событий, он внимательно прочитывал все центральные газеты от корки до корки, от "Пролетарии всех стран..." до фамилии редактора. Были только вопросы, ответов не было.

О чем он думал? О чем молчал? Жалел ли, что покинул Америку? Верил ли в возможность построения справедливого общества?...

А жена и дочки поздно вечером, перед сном, когда уже никто из соседей невзначай не зайдет, наряжались в американские экзотические наряды, любовались, а потом выбирали очередное платье, которое можно переделать, чтобы отнести на базар и обменять на продукты. Так они пережили страшные голодные годы. Последним уплыло черное бархатное платье. Больше продавать было нечего.

В 1929 году старшая дочка Соня (бывшая Шендл) – моя мама (новые времена – новые имена) вышла замуж за моего папу Володю (бывшего Велвела). Год спустя родился первый внук Срула и Двойры Наумчик – мой брат. Дальше жить впроголодь стало невозможно. Люди уезжали кто куда мог. "Надо ехать", – решили мои дедушка и бабушка.

Многие евреи уезжали в теплый, сытный, толерантный ко всем национальностям Баку.

К тому же там никто не назовет деда "Срул – американец". Дед был в курсе политических новостей и понимал, что грядут тяжелые времена. Да и бабушка легко согласилась – ведь туда не надо плыть морем. Это был 1931 год. Зять Володя и сын Миша (Мойшеле) поехали "разведчиками", сняли

квартиру, дали сигнал остальным. Дед с бабушкой, дочкой Ентой и багажом приехали позже. А моя мама с грудным Наумчиком и своей пятилетней сестричкой Розочкой остались до теплой погоды. Слава Богу, ничего не случилось, и они приехали вместе с другими знакомыми беженцами. (Молодые мамы, вы только представьте себе, каково это – ехать с грудным младенцем трое суток в поезде без памперсов!)

Наконец, вся семья в сборе. Из большого конверта (где хранились семейные документы: кетубы и свидетельства о рождении детей) достается заветная фотография и вместе с двумя другими вешается в рамочке на стену.

В Баку все прижились, приспособились, устроились на работу. Соседи азербайджанцы не обижают, уважают за скромность и порядочность.

Посватался к Енте еврейский парень из "наших", из кировоградских, но она не захотела за рыжего выходить. Вышла за другого, тоже "нашего" – Хаима Хейтмана. Он был электрик, а вечерами работал помощником осветителя в еврейском театре. Вся семья имела "блат" на премьеры. Родился у Енты сынок – Арон (Алик) – второй внук у бабушки с дедушкой.

Миша (Мойшеле) стал хорошим механиком и отличным шофером. Возил военкома. Только все ему в Баку было не по нраву, все рвался обратно на Украину, в Киев. И, на свою беду, в 1940 году он купил трехрублевый лотерейный билет ОСОАВИАХИМа и... выиграл автомобиль. Представляете, что значит для хорошего шофера собственный автомобиль!

Но родители сказали ему: "Ты что, сын графа Потоцкого?" То есть, нет, они ему сказали не так. Они постарались убедить его, что незачем скромному еврейскому парню выпендриваться (как мы бы сейчас выразились) на улице, вызывая зависть знакомых и незнакомых своим непозволительно роскошным автомобилем. Куда, зачем и с кем будешь ты разъезжать в нем? Возьми лучше деньгами.

Ладно. Теперь он богат и независим. Невзирая на уговоры семьи, как раз перед самой войной Миша все-таки уехал в Киев. Он рассчитывал, обустроившись там, перетащить за собой всю семью. Зять Володя, мой папа, дал ему адрес знакомого портного, к которому Миша заехал. От них стало известно, что Миша устроился работать шофером на машине скорой помощи. Но...Началась война, фашисты захватили Киев...

Родные так и никогда ничего не узнали о дальнейшей судьбе Миши: призвали ли его в армию, погиб ли он в Бабьем Яру... Неизвестно.

Тетя Ента осталась одна с Арончиком. Ее муж, Хаим, пропал без вести в мясорубке войны. Так никогда не вышла замуж. (А "рыжий" вернулся живой...)

Дедушка Срул умер в голодном 1943-м. Я родилась после войны в 1947-м, уже не застав деда в живых. Бабушка Двойра успела выдать замуж младшую дочь Розочку и увидеть еще одного внука.

Она ушла от нас в 1953-ем. Я помню её, хотя мне было только 6 лет.

*Без вуали, плаща, вне ведома Истории
и прочего аполлонова бабья
вплывает в прошлое с
накрахмаленной койки
бабушка местечковая моя,
нам оставляя бесснежную зиму,
от ветра бегущие*

*облака-небозрители,
проникновенный голос раввина,
что ее не знал, но звучит убедительно.
Все – по машинам.
Она одна остается в земле, с природой сливаясь.
Нам остается – выпить вина,
в душе заперев неподкупную память.*

(Лиана Алавердова)

Могилы дедушки, бабушки, мамы и папы сушит апшеронский зной.

Тетя Ента и тетя Роза лежат в святой земле Израиля.

А семейная реликвия – старая фотография, проделав длинный путь, пересекла океан в третий раз и теперь стоит на моей тумбочке в спальне.

Декабрь 2004

Бабушка Ханна

*... И размывались времени границы:
Ты сохраняла будущее мне,
Чтоб я потом на свет могла родиться.*

*От старости тускнеют зеркала,
Темнеет серебро, темнеют лица.
О, если б я когда-нибудь могла
Тебе живой однажды поклониться...
Но ты невозвратно далека –
Сквозь тусклый глянец жёлтого картона,
Сквозь толщину лет, прищурившись слегка,
Глядишь глазами мудрыми иконы...*

Тамара Шашева

Передо мной старая-престарая фотография. Бумага не такая толстая, как обычно на добротных старинных карточках. На обороте нет витиевато разрисованного названия фотоателье. Одним словом, бедная фотография. Это моя бабушка Ханна – папина мама.

На ней черный вдовый наряд. Печальный взгляд, опущенные уголки губ, натруженные руки. В наследство мне достались ее имя и опускающиеся с возрастом уголки губ.

Папа никогда не рассказывал мне ни о ней, ни о ком-либо еще из своей семьи. В сталинские годы боялись рассказывать детям историю семьи – мало ли что мог ребенок ляпнуть в школе о том, чего никто не должен знать – например, о дяде в Америке. Образ Павлика Морозова витал над страной. А может быть, просто больно было вспоминать о тяжелом детстве... Все, что я знаю – это из маминих рассказов в период «хрущевской оттепели», хотя моя мама никогда не видела свою свекровь, мою бабушку.

Итак, бабушка Ханна. Она родилась в начале 60-х годов XIX века в маленьком украинском местечке Богополе, которое потом, многие десятилетия спустя, получило имя Первомайск.

Историческая справка:

Началось все с крепости – поселения Орлик, известной еще с 1676 года. Географическое положение Орлика на реке Южный Буг, при впадении рек Синюхи и Кодымы, имело важное пограничное значение.

В 1750 г. на левом берегу Буга, вблизи впадения в него Синюхи, граф Потоцкий построил укрепление и карантинную заставу Богополь. Название происходит от названия реки Южный Буг, которую славяне в те времена произносили как Бог. Со времени основания и до 1853 года Богополь был родовым поместьем Потоцких.

В 1762 г. казаки и украинские крестьяне закладывают слободу Голта на правом, низменном берегу Южного Буга.

В 1773 году Орлик получил статус города, а несколько лет спустя был переименован в Ольвиополь в честь знаменитой древней греческой колонии Ольвии.

Все три населенных пункта – г. Ольвиополь, местечко Богополь и село Голта – вместе составляли практически один город.

Простая, бедная еврейская семья, маленькие радости и большие заботы. Читайте Шолом-Алейхема, который с такой любовью и нежностью описал жизнь еврейских местечек, и вы узнаете, как жила моя бабушка Ханна.

1903 год принес ей сначала радостное событие, потом огромное горе и почти сразу новость, которая при других обстоятельствах была бы хорошей, но в тот момент особой радости ей не доставила.

Радостное событие – старший сын стал женихом. Посватали хорошую еврейскую девочку, стали готовиться к хупе. И вдруг скоростно скончался муж. А тут еще вдова Ханна узнала, что она беременна.

Дети, конечно, приносят радость. Но, скажите, как может радоваться такой новости вдова, которой уже перевалило за 40, имеющая, кроме старшего сына, еще нескольких дочерей?

Как она будет растить еще одного ребенка?

Я не назвала фамилию бабушки. Это имеет значение для дальнейшего повествования. Фамилия семьи – Столяр, хотя все они были портные.

Ну, в общем, ситуация вполне понятная. Беременность, мягко скажем, не очень желанная, хотя нельзя гневить Всевышнего и даже думать так, а уж тем более говорить. Но что делать?

А рядом живет вдовец с детишками, которому тоже нелегко. Вдвоем вроде бы легче. И вот, «не износив башмаков, в которых шла за гробом мужа», и не родив еще зачатого им ребенка, Ханна выходит замуж за человека по имени Меир Пидрад (с ударением на втором слоге, фамилия имеет белорусское происхождение и означает "подряд").

В начале лета 1904 года рождается мальчик, которого назвали Велвел – мой будущий папа.

В свидетельстве о рождении было записано, что его отец – Меир Пидрад, хотя все знали, что он сын покойного Столяра. Сводные братья и сестры по фамилии Пидрад не считали его своим. Родные же Столяры знали, что он их брат, но разница в возрасте и разные фамилии отдаляли их от него.

Когда маленькому Велвелу исполнилось 5 лет, его отдали в хедер и одновременно в ученики к родному старшему брату Столяру – учиться портняжному делу. Конечно, жилось ему получше, чем Ваньке Жукову, потому что его не били, но он тоже качал люльку с маленькими племянниками, выносил горшки и делал другую черную работу по дому.

Наконец, начали приобщать к мастерству. Первым делом, надо научиться правильно распаривать вещь. Никаких ножниц, ножей или бритв! Пороть следует, осторожно высвобождая иголочкой каждый стежок нитки, чтобы не повредить ветхую ткань. Это чрезвычайно ответственное задание. Представьте, что бедная еврейская женщина приносит портному пальто на перелицовку.

Знаете ли вы, молодой читатель, что такое перелицевать пальто?

Старое, потертое, выгоревшее на солнце пальто надо аккуратно распороть, отпарить утюгом каждую деталь, перевернуть наизнанку и сшить пальто заново. Распаривать надо очень внимательно, аккуратно, даже, можно сказать, нежно, чтобы не порвать изношенную ткань. Работы для портного намного больше, чем сшить новое пальто, а заработок намного меньше.

(Я даже помню, что в наши относительно благополучные 50-60-е годы перелицовывали мамы пальто дочкам, т. е. шить девочке-подростку пальто из новой ткани считалось непозволительной роскошью.)

Следующим этапом обучения папы было освоение им швейной машинки. Поправляя ткань перед лапкой швейной машинки, папа прошил себе указательный палец насквозь. На всю жизнь остался след – раздвоенный ноготь. *(Когда папа грозил мне указательным пальцем за какие-то шалости, я хватала его за этот палец и начинала внимательно разглядывать ноготь – хитрая девочка! – и вся папина суровость улетучивалась.)*

В 1914 году началась Первая мировая война. Сестры Столяр уже все повыходили замуж, жили своими семьями. Наиболее умных и дальновидных евреев в местечке уже не было. Они давно жили в Америке на зависть оставшимся.

Мудрая бабушка Ханна понимала, что судьба может разметать по миру ее детей. И тогда она идет в дешевое фотоателье и фотографируется (!). Ну, скажите, пожалуйста, зачем в такое тяжелое время, при такой бедности фотографироваться старой еврейской женщине?

Она что, вдова графа Потоцкого? Или она думала, будто такая красавица, что ее портрет выставят в витрине фотоателье в Ольвиополе?

А вот зачем. Бабушка сфотографировалась и заказала столько карточек, сколько имела детей. Каждый ребенок получил по карточке и наказ ее хранить. Куда бы ни раскидала их судьба, по этой фотографии ее дети и дети ее детей смогут узнать друг друга.

Не мне вам рассказывать, какое это было время: война, погромы, революции, то белые, то красные, то Махно, то Петлюра, то наоборот. Одним словом, "этапы большого пути"... Менялась жизнь, власть, менялись взаимоотношения, имена людей и даже городов...

Историческая справка:

В 1919 году Ревком решил объединить все три населенных пункта – г. Ольвиополь, местечко Богополь и село Голта – в один город, так как они практически слились в единый торгово-промышленный центр. Но не было согласия относительно названия. Представители Ольвиополя хотели, чтобы новый город имел историческое название древнейшего поселения – Орлик. Голтянцы и богопольцы не соглашались.

И поскольку не было единства, решили созвать объединенный митинг трудящихся. Митинг состоялся 1 мая 1919 года на площади перед главной больницей Ольвиополя. Открыл его председатель ревкома Иван Рухлин, а затем слово взял командир 1-го коммунистического партизанского отряда Трифон Гуляницкий. Он предложил утвердить решение ревкома об объединении трех поселений в один город и назвать его в честь Международного дня солидарности трудящихся – Первомайск.

Бабушки Ханна уже не было на свете, остались только ее фотографии у детей. Уже, слава Богу, не было черты оседлости. Местечко таяло – кто перебрался в город, кто на восток, а кто на запад, за океан. Тут и старший брат Столяр собрался. Быстро и неожиданно. Нашел лазейку, оформил бумаги, но ... только на свою семью – на Столяров, а Велвел имеет другую фамилию – Пидрад.

Все так сложно... Ведь за Велвела тоже надо дать взятку, оформить документы, купить билет, везти с собой, а жена не очень хочет – Велвел так много ест! И вообще, им надо спешить, а то "дверца" может опять захлопнуться, и они все останутся на этой неласковой родине. Пусть Велвел пока поживет с сестрами Столяр – те тоже должны взять на себя хоть на какое-то время заботу о младшем брате. Разве не так? Так-то оно так, но разве всегда все поступают, как должно? А что скажут их мужья? И вообще, кто он такой, этот Велвел, кем он нам приходится? (Фамилия – то другая!) Тяжелые, голодные годы...

Брат уехал...

О своих скитаниях папа не любил рассказывать. Он перебирался из города в город, из местечка в местечко по всему югу Украины – от Евпатории, Одессы и Херсона до Кировограда, от родных и двоюродных братьев и сестер до сводных братьев и сестер и знакомых портных – любых, кто готов был взять его в подмастерье.

И все время с ним была фотокарточка мамы. Перед каждым очередным переселением он заскакивал в родное местечко в надежде найти там письмо от брата, но увы! Видно, брату в Америке тоже не так сладко.

Историческая справка: Согласно переписи 1924 года, в городе Первомайске проживало шесть тысяч русских, семь тысяч украинцев и десять тысяч евреев.

Я уже говорила, папа не очень охотно рассказывал о себе. Но однажды, когда я вступала в комсомол, папа неожиданно разговорился и рассказал мне о своей "косомольской эпопее" (в начале 60-х уже можно было рассказывать без опасений). Тогда, в годы папиной молодости, ремесленников в комсомол не очень-то принимали, но, с другой стороны, папа был бедняк. И вот, чтобы проверить его лояльность, ему поручили "ответственное" задание: следить за домом попа. Он должен был, сидя в кустах, наблюдать, кто и когда приходит к попу, когда уходит. Папа посидел в кустах два дня, потом, решив, что это занятие не для него, попросту смылся, перебрался в другой город и навсегда распрощался с возможностью стать комсомольцем.

Много лет спустя мой свекор рассказывал, что, когда он был маленьким, поп их села Ружено Житомирской области прятал в большом подвале своего дома их семью и другие еврейские семьи от погромов. Низкий поклон ему за это! Наверно, тот поп, следить за которым поручили моему отцу, тоже был хороший человек, и, наверно, поэтому мальчику Велвелу тогда претила мысль шпионить за ним.

Наконец, папа осел в Елисаветграде (после 1924 года город был переименован в Зиновьевск, с 1934 - в Кирово, а с 1939 года стал называться Кировоград.) Устроился там на швейную фабрику, где познакомился с мамой, "притулился" к маминой дружной семье Кустиных. В 1930 году родился первенец – мой старший брат Наум, а в 1931 году все вместе переехали в Баку. Там тепло, сытно, много работы, две синагоги, еврейский театр, там можно было делать обрезание мальчикам, иметь мацу на пасху. Что еще надо тихим и скромным еврейским семьям?

Отгремела страшная Вторая мировая. Где теперь искать родных? А может, все-таки кто-то остался жив, обосновался где-нибудь в Средней Азии или в Биробиджане и сохранил фотографию бабушки – кто знает?

Не сумела бабушкина фотография стать связующей ниточкой или паролем. Суровое время оказалось сильнее ее мудрости.

Про брата в Америке боялись вспоминать, в анкетах писали, что родственников за границей нет. Только глубоко в сердце и в памяти теплилась надежда, как слабая, далекая звездочка. Даже через 60 лет она не погасла – когда в 1978 году мой брат Наум уезжал в Америку, наш 74-летний папа сказал ему: "Может быть, ты найдешь в Америке моего брата, ему должно быть 94 года, вдруг еще жив..."

Господи Боже ж мой, наверно, Америка – это маленькое местечко, можно выйти на улицу и спросить прохожего или зайти в синагогу: "Господа евреи, кто знает Столяра, портного из Первомайска?"

Увы, это непосильная задача, уж очень много Столяров в Америке.

Годы продолжают лететь с ускорением. Вот и мой папа ушел в лучший мир в 1984 году.

Передо мной старая-престарая фотография бабушки Ханны из бедного фотоателье. Сохранились ли еще фотографии? Может, не все сгорели в пожарах войн, может, не забросили ее американские Столяры на чердак в ящик с ненужным хламом? Кто знает?

А что, если я единственная хранительница? Я, родившаяся в послевоенном 1947 году, никогда не видевшая бабушку, сохраняю ее гены, уголки губ, фотографию и имя.

*Анна Немеровская,
в девичестве Ханна Пидрад. 2004 г.*